

Антон ЛУКИН

Родился в 1985 году в селе Дивеево Нижегородской области. Окончил Ардатовский аграрный техникум по специальности «правовед».

Автор десяти книг прозы. Печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Южная звезда», в «Литературной газете» и других периодических изданиях. Лауреат премии им. Андрея Платонова, всероссийской премии «Золотой Дельвиг».

Член Союза писателей России. Живёт в Дивеево.

ОЛЕСИНА ПОЛЯНКА

Всю неделю моросил дождь. А ныне погода ясная. Тепло, свежо, хорошо по-летнему. И не скажешь, что конец сентября. Бабье лето заглянуло в гости. Наслаждайся, народ земной, последними деньками тёплыми. Мороз не за горами. Зима на смену спешит. Всему своё время.

По лесу, сбивая сапогами опавшую листву, шли двое. Старик и парень. Правой ладонью опираясь на клюку, придерживая в левой корзине с грибами, одетый в телогрейку, застёгнутую армейским ремнём, дед внимательно смотрел под ноги. Звали старика Кузьмой. Рядом, стараясь не отстать, плёлся, раскачивая лукошко, мальчишка годов восьми. Димка. Младший из внучат. Самый любознательный. Всегда взъерошенный, как побитый воробей, и чуток ленивый.

– Деда, – стонет внук.

– Аюшки.

– Долго ещё?

– Ишь. Торопыга какая, – отвечает старик, поправляя очки. – Саму малость осталось. Терпи.

Димка разглядывает небо. Молчание длится недолго.

– Деда, а деда, – парень не унимается, – ты хорошо её знал?

– Олеську-то?.. – Старик чешет бороду. – Как же не знать? В одну школу, поди, бегали вместе.

Кузьма громко кашляет в ладонь. Прищурившись, глядит по сторонам. Заглядывает внуку в лукошко.

– Н-да. Негусто. Ты за грибами шёл али как?

– Набрал. Хватит, – увёртывается внук.

– Много ж ты насобирал, – улыбается Кузьма. – Курам на смех.

– Зачем одну оставили? Разве можно так?

– Кто кого оставил? – не вникает старик.

– Олесю. Говорю, подруги оставили зачем?

– Молодые потому как. Сами перепугались, поди, до смерти. Вот и бросили, – в голосе деда улавливается угрюмость. Он не кажется сердитым, но бровь хмурит. – Да и чем бы они ей помогли?

– Надо было так: одна за помощью бежит, другая с ней. Да, деда?.. Даже я знаю. А они... вдвоём умчались.

– Димка!

– А?

– Гляди под ноги. Хватит ворон считать. Зачем напросился? Чтоб отвлекать?

– Ага. Сам позвал, а теперь бубнишь.

– Ишь ты! – старик улыбается.

– Чё тут искать? Если их нет.

– Как нет? Быть того не может, – старик указывает на подосиновик, что прикрылся пожелтевшей листвой. Димка быстро срезает его и кладёт в лукошко.

– И ещё один в коллекцию, – расплывается в улыбке парень.

– Ох, хитрюга, – улыбается за компанию Кузьма. – А говоришь, нету. Правильно, коль трындеть без умолку, много не насобираешь. Такого красавца чуть не упустил. Червям на съеденье оставить хотел. Ишь ты!

– Деда, – просит внук, – расскажи, как всё было?

– Сказывали ведь уже. Да не по одному разу.

– Так это мне бабушка говорила. А бабушка, сам знаешь, как рассказывает. Это помню, а это не помню. Вроде было, а вроде и нет. На самом интересном спотыкается. – Димка приближается к деду, чтоб ни одно слово не упустить. Дед повторять не будет. Не любит, когда перебивают. – Всё больше бабушки знаешь. Ведь так? Память у тебя о-го-го какая! Да, деда?

Старик глядит на внука, качает головой. И в кого такой любознательный? В школе учится хорошо. Грех жаловаться. Учителя хвалят. Видимо, любопытство раньше его родилось. Обо всём на свете непременно нужно знать ему. И если уж что услышал краем уха, пока сто раз не переспросит, не успокоится. Ворошить прошлое старику не шибко хотелось. Но коль со старухой сболтнули – виноваты сами. Никуда от вопросов не денешься. И как бы Кузьма ни хмурил бровь, внук знает: дед – добрейшей души человек. И вовсе не хочет понимать, что дедушка постарел и года его уже не те. С возрастом люди всё больше и больше любят тишину.

– Что тут говорить... Тут и говорить нечего... Всё в двух словах и скажешь. Какая где беда случись, небылиц наплетут, историй навывдумывают, что и не знаешь, чему верить порой. – Дед Кузьма замечает гриб. Осторожно откидывает клюкой со шляпки листву. Белый. Медленно нагибается, срезает, кладёт в корзину. – Давным-давно, когда я ишо молодым рысаком скакал по деревне, жила в наших краях одна девица. До того добрая, что каждую букашку, каждую дворняжку жалела и любила. Поговоришь с ней всего чуток, а будто родниковой водицы испил. На душе праздник. Хочется и самому сделать что-то хорошее. Бывает же так?.. Голос нежный, слова добрые-добрые. Сроду худого слова никому не скажет. Вот как.

– Красивая была?

– А?

– Красивая?

– Не то слово. Любо поглядеть. До того лучезарна, что пройдёт мимо – аж сердце замирало. Большая это редкость, я тебе скажу, когда красивые люди так добры и милосердны.

– Нравилась тебе она, дед?

– Она всем нравилась. Не было на селе хлопца, который не мечтал бы её мужем стать.

– Бабушка говорит, ты её сильно любил, – обронил внук.

– Дурит твоя бабка. Слушай больше.

Дед Кузьма насупился. Замолчал. Лесная жизнь, которая за разговором не так ощущалась, напомнила о себе. Откуда-то доносилось ритмичное постукивание дятла. Под ногами шуршали листья и с треском ломались сухие ветви. Старик, упираясь на клюку, медленно нагибался, тихо кряхтел, срезая гриб. И Димка подумал даже, что дед нарочно выбрал грибную сторону, а его, неопытного, пихнул сюда, где, кроме мухоморов, которые он устал сбивать сапогом, мало что есть.

– Знает, где идти, – вздохнул паренёк.

– Чего ты? – не разобрал старик.

– Пить охота.

Старик расстегнул ремень, снял армейскую фляжку, отдал внуку. Тот жадно присосался к горлышку губами.

– Не торопись. Не отнимут.

Парень утолил жажду. Вытер рукавом губы.

– Прямо как у солдата, – заметил Димка.

– А то, – не без гордости согласился Кузьма. – Подрастёшь, пойдёшь в армию, такую же дадут.

– Не пойду. – Внук вернул дедушке фляжку. – Папка говорит, нечего там делать.

– Папка твой сам не служил. И тебя не знает, чему учит.

– Разве это плохо?

– А то нет? Ишо как плохо. Какой из тебя жених вырастет, коли в армии не был? Пойдёшь к невесте, а та и на порог не выйдет. Скажет: нам хворые не нужны.

– Почему хворые?

– А как же! Раз в армию не взяли, значит, болеешь чем либо совсем дурак. – Старик постучал по дереву. – Аля-улю, паси гусей.

Димка засмеялся.

– Так я же сам не пойду.

– Поди потом докажи, что сам. Нет уж. За мамкиной юбкой прятаться не позволю.

Идут молча.

– А ты, деда, на танке ездил? – спрашивает внук.

– Нет. Не довелось.

– А на самолете летал?

– И на самолете не летал, – признаётся дедушка.

– А почему?

– Ну... как тебе сказать... В других войсках службу нёс.

– Бабушка говорит, ты поваром был.

– Правильно говорит, – кивает старик.

– Какой же это солдат... с половником? – в голосе внука улавливается ухмылка.

Старик потирает сухие губы, сбавляет шаг.

– Запомни. И передай другим. Голодный солдат – это уже не солдат. Роту целую накормить – это не шутка. Тут тоже талант нужен. А из ружья хоть сейчас с воробья пёрышко снесу со ста метров. Может, и с двухсот.

– С двухсот? — дивится Димка.

– А то, – старик улыбается и указывает внуку под ноги. – Такой гриб перед носом самым, а ты... Совсем мышей не ловишь, как погляжу. Не возьмут тебя, братец, в разведчики.

– Больно надо.

– Ну-ну. Ну-ну.

Парень срезает гриб, показывает дедушке.

– Какой большой!

– Да, – соглашается Кузьма, – бабушка обрадуется. Настоящий богатырь. Ложи в корзину. Я дома похвастаю.

– Ну, конечно. – Димка кладёт гриб в лукошко. Дед посмеивается. Внук догадывается, что тот его разыграл, и тоже расплывается в улыбке.

– Трухнул? – улыбается старик.

– Нисколечко.

Старик поправляет очки, идёт дальше.

– Нравится тебе у нас?

– Нравится, деда. Очень нравится, – признаётся Димка.

– Во-от. Подрастёшь, будешь дедушку вспоминать, как ходили с ним по грибы.

– Буду.

– Обязательно будешь, – говорит старик. – Память – она девица такая. Пока ребёнок, вроде и не надо ничего. Наоборот, вырасти желаешь скорей. А чуть подрастёшь, как начнут сердечко щекотать далёкие прекрасные деньки. В тридцать о детстве вспомнишь, в сорок о юности заскучаешь не раз. А в семьдесят скажешь себе: как же хорошо было в пятьдесят лет!

– Отчего так, деда?

– А?

– Почему так всё происходит?

– Жизнь, – тихо обронил Кузьма. – Редко кто замечает положительное в настоящем. Верни мои сорок лет. Неужто я тебя на спине не поката-тал бы? А? Ишо как поката-тал бы.

– Ты, деда, и не старый вовсе.

Старик улыбается.

– Но уже и не юн.

– Дядя Кондрат моложе тебя, а выглядит старше. Почему так?

– Пьёт много. Столько дряни этой пить... давно сгниёшь заживо.

– Он, когда выпьет, смешной. Песни любит петь. Про коров рассказывает. Знаешь, сколько у него коров в стаде? Он мне сказывал, только я уже не помню. Дядя Кондрат говорит, что в пастухи не каждого берут. Только у кого душа добрая. Коровы это быстро распознают и злых пастухов не слушаются. Правда, деда?

– Всё может быть, – пожимает плечами старик. – Кондрат – мужик неплохой.

– Совсем неплохой. Мы с Витькой летом часто на лугу пропадали. Нам дядя Кондрат много историй разных сказывал. Оказывается, это Рыжуха шум подняла ночью, когда у Игнатьевых дом загорелся. Так мычала на всю округу, что разбудила всё село. Мы с Витькой долго разглядывали потом эту Рыжуху. Такая же корова, как и все другие. Пятнистая и брюхастая. А видишь как! Людям жизнь спасла. Дядя Кондрат говорит, что на месте Степана Игнатьева её не стал бы забивать. Рука не поднялась бы.

– Да, – проронил старик. – Кормилицу свою всегда лелеешь и жалеешь. А тут ишо и спасительница. Тебя и детишек от страшной смерти уберегла. Рази нож после этого наточишь на шкуру её?.. Нет.

Старик остановился. Прищурил глаза, уставился вдаль.

– Пришли? – Димка вместе с дедом глядит на крохотную поляну, окольцованную деревьями-великанами. В небе медленно проплывают пушистые облака. Солнце бросает лучи на этот маленький островок, и потому среди лесной глуши это место особенно радуется светом и теплом.

– Пришли, – не сразу сказал старик.

– Олесина полянка?

– Она самая.

– Здесь её змеи покусали?.. Здесь, да?

– Нет. Дальше. Далеко отсюда. Там сейчас болото.

Дед Кузьма идёт на поляну. Ставит корзину на землю.

– Тут от... она и лежала. У дуба. У самых корней, – старик показал рукой. – Даже смерть не способна была погасить красоту её неземную. Не увял цветок и после гибели. Всем селом примчались сюда, когда узнали о трагедии. Долго не решался никто потревожить её сон вечный. Многие плакали. Да... плакали. Никто не желал верить, что её больше нет... Будто взаправду спала. Ни ужаса, ни скорби на лице не было. А ведь знала, что умирает. Знала.

Помолчали.

– Ить забралась в самый гадюшник. Туда сроду за ягодами никто не ходил. Змей там кишмя кишит. А они, дурёхи молодые... К самому оврагу подошли. Видать, оступилась и угодила напрямик в змеиный очаг... Много укусов было. Много. Рази тут выкарабкаешься?

Старик и парень молча глядят на поляну. И не скажешь, и не подумаешь, что когда-то давным-давно здесь угасла чья-то жизнь. Обычная лесная полянка, на которой весной распускаются цветы, летают бабочки и кружат пчелы. Обыденное место, каких множество в каждом лесу.

Старик Кузьма подходит к дубу. Вынимает из кармана варёное яйцо, пирожок и горсть конфет. Кладёт рядом с деревом.

– Дядя Кондрат говорит, что подруги её в яму толкнули, – обронил Димка.

– Ты про Галину?.. Откуда Кондрату знать? Он тогда совсем мальцом был. Хотя...

– Что хотя?

– Поговаривал народ, конечно. Как без этого? Мол, заманили в гиблое место и погубили невинную душу. Да ить никто не знает, как на самом деле оно было всё. Нечего грех на душу брать. Это какой же камень за пазухой носить надо, чтоб такое сотворить? Как с этим жить после?.. Впрочем, судьба и с ними сыграла злую шутку. – Старик помолчал. – Галина в город подалась, замуж вышла. Да тока не сложилась у неё семейная жизнь. Вернулась к матери исхудавшая и озлобленная на весь мир. В зиму захворала сильно и померла в февральские морозы. А к лету и другая девица, что была с ними, утонула в реке. Счас уж и не вспомню, как звали. Видишь как. Даже имени не помню. Словно и не было человека. А вот Олесю... Олесю и по сей день добрым словом вспоминают. Хорошие люди остаются в памяти навсегда. Потому-то в народе это место и величают её именем. Живой памятник. Не там, где смерть приняла от гадюг, нет. А здесь, где уснула сном вечным. Нередко встретишь, проходя мимо этого дуба, оставленные кем-то цветы и сладости. Каждый, кто идёт по грибы, по ягоды и бывает здесь, чтит память девушки, доброту и нежность которой помнят до сих пор. Полвека уже миновало, а история эта живёт по сей день. Переходит из одних уст в другие. Стала былью. Нас со старухой не будет, Кондрата

не станет, ишо кого... а внуки наши нет-нет да поведают своим детям, а те своим, что когда-то давным-давно в селе Митяшино жила девушка неземной красоты и с добрым чутким сердцем. И покажут эту самую полянку, это дерево. Чтoб каждый, кто будет в этих местах, оставил яичко и помянул добрым словом Олесю. Да. Жизнь можно прокоротать век, и никто о тебе не вспомнит. А можно прожить словно песню и навсегда остаться в памяти людской. Понимаешь это, Димка? Человек ценится по поступкам. По делам своим.

– По делам?

– Именно. По делам, – повторил старик. – Потому и надо прожить эту жизнь правильно, честно. Помогать людям. Делать добро. И люди отплатят тебе тем же. Обязательно. Хороших людей много. Чтo ни говори. Случись где какая беда – и тебе помогут. Не пройдут мимо.

Старик кладёт внуку на плечо ладонь и идёт с ним в обратную сторону.

– Бабушка, поди, борщ приговорила.

– Не люблю суп.

– В нём вся сила.

– А говорил, в каше, – поправляет пареньь.

– И в каше тоже, – соглашается Кузьма. – Но и от супа не откажемся, да?

Димка пожимает плечами.

– Бабушка старалась-старалась, а мы... Негоже это, пареньь. Ложку за маму, ложку за папу, не мне тебя учить.

Идут молча.

– Это ведь доброе дело? – спрашивает вдруг Димка.

– Бабушку порадовать? Ишо какое.

– Я, деда, две тарелки съем. Вот увидишь.

– От это правильно. Это хорошо.

Кузьма утвердительно кивает. Вместе улыбаются и не спеша идут к дому.